

«Переплетенная история»: мусульмане и Другие в России и вовне

ОЛЬГА БЕССМЕРТНАЯ

«Переплетенная история» и/или «деколонизация» исторических исследований?

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-14-31>

Olga Bessmertnaya

“Entangled History” and/or the “Decolonization” of Historical Research?

Olga Bessmertnaya — HSE University (Moscow, Russia). obessmertnaya@hse.edu

The article is an introduction to this issue's section “Entangled History: Muslims and the Others in Russia and Abroad”. It articulates the foundations of the historiographical approach named “Entangled History”, as seen by the author (who is also the compiler of the section) and the authors' team, and examines the new meaning this approach has acquired in the context of recent calls for the “decolonization” of historical research, especially in the field of Russian, East European and Eurasian Studies (REEES). “Entangled History” is seen

Статья подготовлена по результатам проекта «„Переплетенная история“ / *Entangled History*: мусульмане и другие в России и вовне» при поддержке Фонда академического развития Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022–2024 годах и в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор признателен А. С. Агаджаняну за важные комментарии к первому варианту этой работы.

This work was supported by the Academic Development Foundation of the Faculty of Humanities of the National Research University Higher School of Economics in 2022–2024, Project “Entangled History: Muslims and the Others in Russia and Beyond”, and the Basic Research Program of the HSE University. The author's special gratitude goes to A. S. Agadjanian for valuable remarks.

here as an extension of, but also as an alternative to, the straightforwardly understood “decolonization”. It carries a decolonizing pathos in the sense that it uncovers the functions and relativity of dominant narratives and deconstructs them. At the same time, the agents of domination are considered here not within dichotomous constructions, as “decolonization” is often seen, but in the space of the diversity of cultural forms and practices, and such agents themselves appear to be different in different situations. Intercultural entanglements, which acquire a cross-cutting role in history, appear much more complex than binary “interactions”, and the historical context is constructed as flexible, fluid, and multilayered. Thus, the proposed approach makes it possible to more vividly reveal the historical dynamics of the communities under study, its multidimensionality and multilinearity, and demonstrates the artificiality of the search for “autochthonous”, “pure” historical conditions. Simultaneously, this complex vision of history retains an ethical dimension.

Keywords: Entangled history, decolonization, intercultural entanglements, cross-cultural studies, historical context.

«ПЕРЕПЛЕТЕННАЯ история» (*entangled history*) — такое направление исторических исследований, которое, как представляется авторам этой рубрики, предлагает, с одной стороны, альтернативу, с другой — продолжение того, что стало принято называть «деколонизацией» исторических и, шире, гуманитарных исследований. Призывы к такой деколонизации раздаются давно и касаются исследований в самых разных сферах. Но в русистике и сопряженных с нею областях (сопряженных, иной раз, по неизбежности, вроде исследований Центральной Азии) — то есть в областях, которые теперь чаще называют *Russian, East European and Eurasian studies* (REEES), они особенно усилились в самые последние годы. При этом то, что следует под деколонизацией понимать и как ее достичь, т.е. как именно «деколонизировать» наши конкретные исследования, и даже то, каковы границы «русистики», становится предметом дискуссий и в академических журналах, и в академических и интеллектуальных блогах. Разумеется, в кратком введении к рубрике, тем более посвященной вовсе не проблемам деколонизации как таковым, а «переплетенной истории», дать сколько-то полноценный обзор таких дискуссий, как и разных направлений деколониаль-

ных теорий и исследований, невозможно, да и не нужно; я далека от постановки здесь подобной задачи. Однако их острая актуальность и значащая соотнесенность с ними — и альтернативность им — предлагаемого здесь подхода побуждает меня попытаться не просто представить наше понимание «переплетенной истории» *само по себе*, но и, заведомо в самых общих чертах, вдуматься в характер этого соотношения.

Говоря об актуальности призывов к «деколонизации» исследований прошлого России и связанных с нею в прошлом или настоящем обществ, я имею в виду отнюдь не обоснования такой необходимости в произведениях достаточно известных, но остающихся, и намеренно и объективно, маргинальными для академической сферы авторов, отцов и матерей — основателей «деколониальной мысли»¹. Я веду речь о более широкой волне устремлений к высвобождению нарративов, посредством которых мы — исследователи — описываем историю изучаемых сообществ, из-под воздействий имперских и колониалистских дискурсов и навязываемых ими интерпретаций. Постановка подобной задачи вообще кажется очень давней, восходящей, по меньшей мере, к 1980-м годам и, в частности, к становлению постколониальной теории и *subaltern studies*, но также и других исторических направлений, стремящихся рассматривать историю «снизу», восстанавливая голоса того или иного «молчаливого большинства» и отказываясь от «больших нарративов», налагающихся «сверху». Применительно же к исследованиям сообществ на бывших территориях Российской империи и СССР и сопряженных с ними регионов (что прежде называлось русистикой, да и сейчас может, порой, быть названо ею в широком смысле слова²) начало такому высвобождению было положено позже, но тоже давно; его можно особенно связать с «архивной революцией» 1990-х годов.

1. См., в частности, библиографию в краткой и относительно смягченной презентации: Глостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161).
2. Одну из трактовок охватов «русистики», включая ее понимание в широком смысле слова (территориально отнесенной к областям Северной Евразии) как принципиально транснациональной дисциплины см. в: *От редакции*. Российский Левиафан: имеет ли значение история? // Ab Imperio 2022. № 2. С. 30–56. Иной взгляд — о сохраняющейся недостаточности высвобождения «центрально-евразийских исследований» из прежней зависимости от областей руссификации и советологии см. в Ross, D. “What does a decolonized field look like and how do we get there?”, *SICE Blog* [<https://www.oeaw.ac.at/sice/sice-blog/what-does-a-decolonized-field-look-like-and-how-do-we-get-there>], accessed on 2.11.2023].

Исследователь позднероссийско-имперского и советского периодов Туркестана Паоло Сартори отмечает, что историки уже лет 30 как разрабатывают характеристики царской и советской версий колониализма (а переубеждать тех, кто не хочет видеть империалистического и колониалистского характера царского и советского строев, уже бессмысленно). За это время было показано, в частности, как систематически искажались и стирались в социальной памяти локальные версии истории, например на Кавказе или в Центральной Азии (как и, добавлю, в Урало-Поволжье, Крыму или Сибири и т.д.), замещавшиеся теми, что формировались в имперских центрах; теперь же акцент смещен на изучение *агентности* самих жителей этих мест. Сартори, конечно, признает необходимость продолжения исследований в этих направлениях и важной задачей видит синхронизацию с ними исследований европейской части России³. Тогда же исследования бывших колонизированных обществ начали выходить за рамки собственно российских и советских исследований, обращаясь к исламским, ближневосточным и другим перспективам⁴. Однако новая волна упомянутых устремлений к деколонизации исследовательского поля основывается на констатации недостаточности достигнутого до сих пор⁵: в «ментальных картах», «зашитых» в наших нарративах, говорят ее сторонники, — то есть в наших исследовательских подходах и практиках, архивных таксономиях и т.д. — укоренены прежние имперские структуры доминирования, а новые подходы к изучению прошлого не привели к сдвигам в социальном историческом воображении и, наоборот, постколониальная риторика может быть взята на вооружение консервативными националистическими и имперскими акторами.

Но в справедливых призывах к тому, чтобы еще пристальнее слушать, что думали и как описывали себя различные группы угнетенных, возвращая им ушедшую в тень агентность, и в параллельных им призывах, восходящих еще к Э. Саиду, дать больше голосов и влияния в академической жизни ученым из бывших

3. Sartori, P. "What do we talk about when we talk about 'decolonizing Russian history'?", *SICE Blog* [<https://www.oeaw.ac.at/sice/sice-blog/what-do-we-talk-about-when-we-talk-about-decolonizing-russian-history>, accessed on 2.11.2023]; Morrison, A. (2022) "Colonial Central Asia", in D.W. Montgomery (ed.) *Central Asia: Contexts for Understanding*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press [https://www.academia.edu/57262023/Colonial_Central_Asia, accessed on 2.11.2023].

4. Ross, D. "What does a decolonized field look like".

5. Ibid.

колонизированных стран (если не вовсе освободить эти страны от их «присвоения» — то есть изучения — «не-своими», «западными» учеными⁶), на мой взгляд, содержатся и серьезные риски. Такие призывы нередко выливаются в фактическую абсолютизацию *принадлежности* (например ученого к той или иной стране, локальности, нации, этничности, расе, конфессии и т.д.), в конечном счете — абсолютизацию происхождения. В пределе при таком взгляде важным оказывается не то, *что* говорится, а то, *кто* говорит и имеет ли он «право» говорить «от имени» и/или «о них»; точнее, это «что» кажется детерминированным тем, «кто», зачастую однозначно определяемым. Ошибка тут не только в игнорировании подвижности позиций и множественности идентичностей ученого. Такой подход основан на презумпции, что «свой» «своих» знает и понимает лучше, чем внешний наблюдатель, и заведомо скажет вернее, а высказывание его будет нужнее и востребованнее в «своем» обществе. Не вдаваясь в детали (куда относятся, помимо прочего, общие для всех профессиональные требования, в т.ч. знание языков и навыки работы в поле или с историческими источниками), вспомним, что, как давно замечено, даже для описания себя нужно взять дистанцию по отношению к описываемому (то есть к себе), сопоставимую с дистанцией внешнего наблюдателя, и дать описание на «языке», доступном пониманию окружающих (т.е. не тождественном своему собственному языку, всегда своеобразному), иначе такое описание не выйдет за рамки сообщения «я есть я». Говоря об исследовательской дистанции, я имею в виду вовсе не превращение исследуемого в некий «немой» объект изучения и не одностороннее и однонаправленное предпочтение взгляда извне, т.н. «этического»⁷, «эмическому» взгляду изнутри, но саму способность исследователя *говорить* — о себе или о другом — и быть при этом внятным для окружающих⁸. Кому из этих двоих, «своему» или

6. Биссенова А. «Эту песню не задушишь, не убьешь» или о неизбежности деколонизации / “Of Decolonisation and Its Ineluctability”, *SICE Blog*. [https://www.oew.ac.at/sice/sice-blog/of-decolonisation-and-its-ineluctability, accessed on 2.11.2023]; Бисенова А., Медедуова К. О проблемах региональных исследований в/по Центральной Азии // *Антропологический Форум*. 2016. № 28. С. 35–39.

7. Термины-антонимы «эмический» и «этический» (*etic*, не путать с *ethic* — этический как относящийся к этике) восходят к противопоставлению лингвистических терминов *phonemic* (фонемный) и *phonetic* (фонетический), являясь их суффиксами (*-emic* и *-etic*).

8. За этими вопросами — совокупность эпистемологических и герменевтических проблем, ставших предметом дискуссий в философии и гуманитарных науках XX века,

«чужаку» (не только в прямом, но и в метафорическом смысле слова, допускающем *выбор* позиции), такое дистанцирование и владение «метаязыком» удастся лучше, зависит от множества конкретных факторов и априори непредсказуемо; нетрудно предположить, что лучшие перспективы принадлежат их сотрудничеству и многоголосью.

Но есть и другая опасность. В продолжение акцента на своей «самости» высвобождение исследовательских нарративов из-под власти имперских дискурсов зачастую понимается как возвращение к якобы существовавшей до колонизации *аутентичности*, как их «очищение» от чуждых влияний, «раз-общение», «расплетение» (*disentanglement*) прежде «переплетавшихся» дискурсов. Однако, как замечают редакторы *Ab Imperio*, сужение нашего исследовательского поля до «самодостаточны[х] национальны[х] истории[й]» (что и стоит, как наименьшее зло, за идеями о чистоте форм и аутентичности, притом что на место «национальных» могут вставать любые другие рамки, определяющие «аутентичные» сообщества) приведет лишь к замене одних доминирующих дискурсов на другие: «не к эмансипации, а лишь к окончательному приданию конкретной национальной перспективе статуса эпистемологической гегемонии. С точки зрения политики знания перемещение локуса гегемонного дискурса до уровня национальной истории — теперь автономной и всеохватывающей — никак не уменьшает его способности к угнетению. Напротив, полная легитимация нациецентричного подхода означает, что эту новую гегемонию уже невозможно будет оспорить изнутри конкретной национальной истории с каких-то альтернативных позиций». Ав-

подробное обсуждение которых лежит за пределами моей компетенции. Они восходят, в частности, еще к идеям В. Дильтея о *оживании* и *чувствовании* как методах гуманитарных наук — «наук о духе». При этом кажется, что мечты гуманитариев о *буквальном*, не *остраненном* воспроизводстве голосов изучаемых ими людей, будь то «свои» или «чужие», приобрели в итоге флер эпистемологической наивности в силу осознания бессодержательности такого воспроизводства, превращающегося лишь в повтор, — что не следует смешивать с целенаправленным вниманием к субъектности и агентности этих людей. Отмечу значимость идей М. Бахтина о *внеаходимости* исследователя в контексте концепции *диалога культур*. В иной плоскости сходные вопросы ставились в дискуссиях о позиции исследователя и соотношении «эмического» и «этического» подходов в антропологии 1990-х годов. Здесь сошлюсь лишь на рассуждение М. Тодоровой об опасностях «замкнутого на себя» подхода в ее известном выступлении еще в начале дискуссии о «русском ориентализме»: Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Н. Найта и А. Халида // Российская империя в зарубежной перспективе. Работы последних лет / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 345–360.

торы видят ключ к успеху в «укреплении метанациональных или транснациональных механизмов» исследований⁹. Это касается не только организации и субъектности наших исследований — вопроса, «кто» их осуществляет, но и самих способов постановки исследовательских проблем — вопроса, «что» мы делаем.

Переплетенная история, с одной стороны, раскрывает механизмы изучаемых «переплетений» и тем самым деконструирует структуры доминирования, в них присутствующие, высвобождая скрытые в «слепой зоне» подавляемые дискурсы и практики, «деколонируя» наше исследовательское поле, а с другой — избегает замыкания на обманчивых вопросах об «аутентичных», «всамделишно своих» языках и практиках изучаемых сообществ, как и об их (не)правомочных исследователях, но проблематизирует эти вопросы. Это не новое, да и не жестко очерченное, направление в международной историографии, формирующееся преимущественно в начале 2000-х гг. Оно стоит в том же ряду, что то смыкающиеся, то расходящиеся с ним исследовательские направления, которые предлагают транснациональную и транскультурную перспективы и отказываются от замыкания исторического исследования в категориальных рамках сколь угодно широко очерчиваемых воображаемых сообществ и единств — нации, империи или цивилизации; среди них «перекрестная история» (*histoire croisée*), «взаимосвязанная история» (*connected history*), история пограничий (*borderland history*) и/или фронтиров, даже «глобальная история» — хотя все они порой решительно спорят друг с другом¹⁰. В области изучения более близких нам во времени и пространстве мусульманских обществ и их взаимосвязей друг с другом и с окружающими в последние годы также появился ряд подобных исследований¹¹, как, конечно, и применитель-

9. От редакции. Российский Левиафан: имеет ли значение история? С. 40.

10. Subrahmanyam, S. (2019) *Empires between Islam and Christianity, 1500–1800*. Albany : State University of New York Press; Werner, M., Zimmermann, B. (2003) “Penser l’histoire croisée : entre empirie et réflexivité”, *Annales. Histoire, Sciences Sociales* (1): 7–36; Конрад С. Что такое глобальная история. М., 2018; Schaffer, S., Roberts, L., Raj, K., Delbourgo, J. (eds) (2009) *The Brokered World: Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820*. Sagamore Beach, MA: Watson Publishing International; Feichtinger, J. et al. *How to Write the Global History of Knowledge-Making: Interaction, Circulation and the Transgression of Cultural Difference*. Springer, 2020; Bauck, S., Maier, T. (2015) “Entangled History”, *InterAmerican Wiki: Terms — Concepts — Critical Perspectives* [<https://www.uni-bielefeld.de/einrichtungen/cias/publikationen/wiki/e/entangled-history.xml>, accessed on 15.11.2023].

11. Pickett J. (2020) *Polymaths of Islam: Power and Networks of Knowledge in Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press; Elshakry, M. (2014) *Reading Darwin in*

но к истории России¹². Однако в нашей предметной области эти подходы, как кажется, не использовались широко (или, во всяком случае, вполне целенаправленно) и сулят ряд новых ракурсов, как в плане эмпирических исследований, так и в способах их концептуализации.

Обращаясь к перспективе *переплетенной истории*, мы исходим из несколько более сложных презумпций и концептуальной рамки, чем давно уже ставшее привычным изучение межкультурных взаимодействий. Разумеется, это, по-прежнему, кросс-культурные (или транскультурные) исследования, однако речь идет не о «взаимодействии» монолитных и четко очерченных организмов-культур, а о встречах «представителей» (актеров или явлений, дискурсов, практик) подвижных и неоднородных сообществ. Иными словами, сами такие транскультурные взаимодействия — *переплетения* — понимаются как более многомерные, разнородные и динамичные и, более того, происходящие из нестабильных, изменчивых и многослойных источников — культурных «бэкграундов» исторических акторов, вступающих в контакт (т. е. бэкграундов, и на предыдущем шаге сложившихся из «переплетений» и не сводимых к «исламскому» или «русскому» или «европейскому» и тому подобным обобщенно увиденным пространствам). Таким образом, мы смещаем акцент с рассмотрения бинарных (или даже тернарных) коммуникаций (скажем, таких как «мусульмане и российская власть», «Европа — Россия — Восток», и т. д.) на более многослойные и «многоходовые». Приведу один из простейших примеров: раннеисламские трактаты изучаются и переводятся немецкими востоковедами XIX в., затем их исследования переводятся на русский язык и затем пересказываются с русского мусульманскими деятелями для своих сообществ, причем на фоне их собственного изучения порой тех же текстов в период школьного образования в арабском оригинале, пересказе или в переводе на тюрки¹³.

Тем самым более сложным и гибким образом конструируется исторический контекст, а самым подобным переплетениям отводится, решусь сказать, сквозная роль в истории. Тогда как

Arabic, 1860–1950. Chicago: University of Chicago Press.

12. См. в частности: Byford, A., Doak, C., Hutchings, S. (2020) *Transnational Russian Studies*. Oxford University Press.

13. Бессмертная О. Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атауллы Баязитова Эрнесту Ренану // *Islamology*. 2019. Т. 9. № 1–2. С. 55–82.

уже прижившееся у нас понятие «гибридность» (гибридность пространств, форм управления, ситуаций, субъектов — культурная, историческая, иная) как будто фиксирует уже случившийся результат подобных взаимодействий, «переплетение» хотелось бы более ориентировать на самый процесс взаимодействия, увиденный в его незавершенности, подвижности и многомерности. В частности, и фокус имперских исследований — имперское разнообразие — предстает в такой перспективе не просто как конгломерат относительно замкнутых, хотя и иерархизированных, сообществ, формирующих политическое пространство империи: эти сообщества оказываются более тесно взаимосвязанными, а пространство — *переплетенным*, хотя и по-прежнему устроенным иерархически¹⁴. Все это, разумеется, касается и конфессиональных проблем, и взаимоотношений между акторами с разными религиозными бэкграундами — где как раз особенно выпукло видна роль культурных, нарративных, дискурсивных переплетений.

Таким более сложным видением и самих межкультурных переплетений, и контекста, в который они включены, «переплетенная история» отличается, как представляется, от названных выше соседних направлений, в частности, от глобальной, трансимперской и транснациональной историй, которые в сходной «мета-» перспективе рассматривают связи между все же четко очерченными априори, хотя и взаимосвязанными, образованиями, такими как империи или национальные государства¹⁵. То же касается и распространившейся в отечественной историографии некоторое время назад истории культурных трансферов, которую один

14. В «новой имперской истории», развиваемой журналом *Ab Imperio*, видение имперского разнообразия и его эпистемологическое значение сложнее. Новая программа журнала предлагает построение истории, как мне представляется, во многом сходное с тем, о котором пишу здесь я. См. Платформа '24: Восстановление единого научного поля постнациональных и постимперских исследований [<https://sites.google.com/view/openabimperio/platform24rus?pli=1#h.sh5l512ow8nz>, доступ от 15.11.2023]. В частности, авторы отмечают, что интерпретируют «гибридность» (в отличие от введшего это понятие Хоми Бабы) «как форму полноценной субъектности, а не вторичности и мимикрии», и говорят о сосуществовании и взаимодействии «множества принципов иерархии и субъектности, которые задают многомерность разнообразия и неравенства», что связано с «природой любого общества как открытой системы, не имеющей однозначных границ, одних и тех же для каждого типа взаимодействия».

15. См. Конрад С. Что такое глобальная история. И библиография в этой книге, в частности: Беккерт С. Империя хлопка: всемирная история. М., 2018; также: Марунг III. «Снесите эту стену»? О перспективах и вызовах транснационального взгляда на Холодную войну // Гефтер. 11.11. 2015 [<https://gefter.ru/archive/16572>, доступ от 30.11.2023].

из ее же авторов М. Вернер позже критиковал с позиций «перекрестной истории» (*histoire croisée*), нам более близкой, за то, что «единицы сравнения», или сообщества, чьи границы пересекают «трансферы», все же конструируются исследователем по априори заданным лекалам (чаще всего национальным)¹⁶. Иначе эти соотношения предстают в нашем подходе, где изучаемые ситуации нередко очень локальны, но их контекст и рамки видятся гораздо более многослойными и подвижными.

Предлагаемая подборка из четырех статей — И.Л. Алексеева, А.Р. Ихсанова, В.О. Бобровникова с И.А. Чмилевской и С.Н. Абашина — стала результатом работы нашей группы над проектом с тем же названием, что и у этой рубрики: «Переплетенная история: мусульмане и другие в России и вовне»¹⁷. Стремясь поддержать и стимулировать исследования мусульманских обществ на историческом российском пространстве в перспективе переплетенной истории и, одновременно, апробировать ее возможности, мы постарались применить эту оптику в единой подборке статей на преднамеренно очень разные темы и сюжеты и применить по-разному, иной раз и с разными исследовательскими презумпциями. Тем не менее, нам кажется, что четыре статьи перекликаются друг с другом, создавая общее пространство дискуссий.

В статье И.Л. Алексеева «Обращение к истории как метод исламской реформации: Марджани, Рашид Рида и Ибн Халдун» ставится вопрос о том, чем объяснить обращение к истории как научной дисциплине у мусульманских реформистов конца XIX — середины XX вв. в ответ на европейский колониальный вызов — вызов европейской модерности. Автор показывает, что в целом этот вызов побуждал реформистов осмыслить историю

16. Сочетание трансимперской истории и истории трансферов см. в: Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / под ред. М. Ауста, Р. Вульпиуса, А. Миллера. М., 2010; концепция культурных трансферов: Espagne, M., Werner, M (eds.) (1988) *Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle)*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations; критика последней: Werner, M., Zimmermann, B. "Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité".

17. Проект был начат еще осенью 2020 года под сходным названием при поддержке Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Мои собственные исследования в перспективе переплетенной истории представлены, например, в: Бессмертная О. Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атауллы Баязитова Эрнесту Ренану; Бессмертная О. Мусульманская субъективность? Personae, self и «запросы жизни» в свидетельствах о себе мусульманина-самозванца (Магомет-Бек Хаджетлаше, 1870 (?)–1929) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. Т. 41. № 2. С. 129–161.

как науку Нового времени в европейских категориях, не в последнюю очередь на основе знакомства с трудами европейских востоковедов, но при этом история становилась способом обоснования реформирования самого ислама, причем реформирования на основе обращения к собственным, исламским источникам (в том, что касалось истории, в первую очередь к трудам Ибн Халдуна), исламским мыслительным процедурам и средствам реформ (каким был *иджтихад* в исламском праве). Тем самым вызов извне вел к новому формулированию собственной идентичности «по-своему» и позволял отстаивать в полемике с европейскими востоковедами «историческую субъектность ислама и его прогрессивную роль в истории человеческой цивилизации». В этом общем контексте специфика случая Ш. Марджани (и отчасти Р. Риды) в том, что он приходит к сходным результатам «вне прямой связи с европейским востоковедением» и «не интерполирует категории Нового времени, переводя их на язык исламского дискурса, а, напротив, выводит эпистемологические основания своего исторического подхода непосредственно из исламской традиции мудрости». Важным для автора тем самым становится демонстрация того, что исламская книжная культура в Поволжье, как и в арабском мире, имела собственные ресурсы для формирования «максимально близкого к модерному типа рационализма», фактически — для самореформирования в духе «цивилизационно своей» исламской модерна. Во всяком случае, таково было устремление реформистски настроенных авторов на фоне заостренной колониальным вызовом коллизии «своего» и «чужого», да и историк-исследователь обнаруживает это лишь на фоне такой коллизии. Незаинтересованность Марджани ни в букве, ни в духе европейских дискурсов отмечалась и ранее (в т.ч. автором этих строк); нам предстоит задуматься в дальнейшем о том, насколько такое игнорирование было его сознательным выбором или некой созданной глубоко усвоенной ученой традицией «глухотой» к новому идейному контексту вопреки близкому присутствию последнего в жизни ученого.

Трансформация представлений об истории в контексте межкультурных переплетений и, шире, трансформации лежащих за этим представлений о самих себе, своей идентичности рассматривается и в статье А.Р. Ихсанова «Благочестие, преданность и служение: Молла-Ходжалы Мурат-Берды-оглы и роль его истории о поэтах XVIII в. в процессе формирования туркменской

культурной идентичности». Здесь показано, как, с одной стороны, по мнению автора, в ходе «вернакуляризации» исламского канона в среде туркменских кочевых сообществ в исторических (генеалогических) и агиографических жанрах словесности происходит такое (пере)осмысление роли героев агиографий, которое наделяет их значением этических образцов для всего общества, так что они становятся выразителями коллективной исламской этики, фокусом коллективной солидарности и обеспечивают осознание коллективной общности. С другой стороны, «знатоки»-улемы в конце имперской эпохи и на заре советского режима в контексте полемики о чистоте ислама в собственной среде и, одновременно, взаимодействия с колониальной администрацией и русскими востоковедами стремятся использовать предоставленные колониальными структурами современные средства коммуникации, такие как газеты, и опубликовать рассказы о таких персонажах — образцах в печати, а также собрать рассказы о них для востоковедов с целью их сохранения и распространения, служения знанию. Однако в процессе переосмысления этих материалов как востоковедами, так и туркменскими модернистами, отличающимися от «знатоков» более секулярным мировидением, происходит сдвиг в понимании этих текстов в русле современного секулярного осмысления общности как нации, со временем широко усвоенного в туркменских сообществах. «Переплетенность» исторической динамики проявляется здесь не только в конкретных эпизодах «взаимодействия между группами производителей знания», но и в переплетенности разных контекстов целом, в том, что «практики формирования знания» вообще предстают «как процесс обмена между группами его производителей». «Деколонизация» исследования осуществляется не только, и не столько благодаря вниманию автора к «автохтонным» формам солидарности у туркменских сообществ, в свою очередь переосмысляющих общий исламский канон, но в силу выявления ролей и иерархий разных групп акторов (туркменских знатоков-улемов, туркменских же модернистов или традиционалистов, русских востоковедов и колониальной администрации) в этом переплетенном мире и отказа от этнически детерминированных рамок исследования.

Пути формирования культа и агиографии иного «образца благочестия», притом в современном южном Дагестане, рассматриваются в статье В.О. Бобровникова и И.А. Чмилевской «Сплетенные нарративы меняющейся мусульманской агиографии:

советский юродивый постсоветского Южного Дагестана», где предложена своеобразная оптика изучения культа святых. Это «простейший», выпуклый случай переплетения — переплетения разных нарративов («простонародного исламского, суфийского, советского и национального») — в агиографических рассказах о шейхе Вагуф-бубе Исмаилове (1894–1972) из села Луткун, представления о святости которого начали формироваться, по-видимому, еще при его жизни в советское время, но развитый культ сложился позже и живет сегодня. Казус Вагуф-бубы позволяет обнаружить историческую изменчивость такого, казалось бы, устойчивого пространства, как агиографическое, его сохраняющуюся продуктивность, причем именно в силу гибридности постсоветского сознания: такая гибридность в статье не просто констатируется, но обнаруживается, как из рассматриваемых переплетений нарративов и культовых практик рождаются новые и изменчивые формы наделения святостью. Очень важен здесь и «межкультурный» контекст — в той степени, в какой постсоветское пространство народных культов, рожающее новых святых, — будь оно мусульманским, суннитским или шиитским, или православным, луткунским, бакинским или московским, — следует считать межкультурным: культ Вагуф Бабы сопоставляется здесь с культами шиитского «Бескостного святого» Эт-ага и православной Матроны Московской. В целом это позволяет историзировать и *децентрализовать* наше видение изучаемой ситуации, избавив его от априори заданной доминирующей, навсегда однозначно детерминирующей его составляющей.

Статья С.Н. Абашина «Зона молчания, “дело Адылова”: Центральная Азия как советский Другой» в некотором смысле симметрична статье И.Л. Алексеева, поскольку специально говорит о широких сдвигах в понимании окружающего мира под воздействием вызова извне, однако на этот раз — вызова с «Востока». Видя в социализме (вслед за А. Юрчаком) дискурсивный режим, автор обсуждает роль в его сломе так называемого хлопкового дела, нашумевшего в 1980-е гг., и критики одной из центральных фигур этого дела, Ахмаджона Адылова, узбекского руководителя советской аграрной компании. Прежде влиятельный, он подвергся в 1988 г. обвинениям в «злоупотреблениях» и затем был арестован, как и многие другие узбекские чиновники. Автор показывает, что если поначалу эти репрессии, инициированные советским центром, служили прагматическим целям «пересмотреть отношения между Москвой и периферией, переделат

“контракт” между ними [...] и создать новую клиентскую сеть лояльности и обязательств», то в конце 1980-х гг. негативный образ Адылова стал поводом не только для констатации провала проекта центральноазиатского социализма, но и «для радикального пересмотра оценок советского порядка, слома авторитетного дискурса и критики социализма в целом, которому теперь стала приписываться восточность и архаичность, свойства, противоположные модерну». Неравное положение Центральной Азии, воспринимавшейся центром как «советский Другой», парадоксальным образом способствовало тому, чтобы «ориенталистические клише [...], опробованные в обсуждении „дела Адылова“ и „хлопкового дела“, стали инструментами для осуждения всего советского социализма и его последующего демонтажа». Одновременно в контексте такого подчиненного (субалтерного) положения Центральной Азии статья демонстрирует степень связности советского пространства, когда даже отличные от советского канона местные интерпретации сути и происхождения социалистической модерности не становились альтернативой канону, но «встраивал[ись] в московскую идеологию и контролировал[ись] ею», так что различия дискурсов могли оставаться в пределах советского режима политически не значащими и, наоборот, переводились на язык социалистического устройства как местная специфика («национальная форма»). Однако они иначе использовались при переосмыслении роли социализма, когда центральноазиатский «субалтерн» превращался в воплощение отчуждаемого прошлого всей страны. Речь идет тем самым о переплетениях на иерархизированном советском пространстве самих состояний чуждости и связанности и об их исторической динамике.

Таким образом, в целом мы представляем *палитру* кросс-культурных взаимодействий и переплетений в конкретных ситуациях из истории разных мусульманских сообществ Российской империи, СССР и отчасти современности. Исследования основаны по преимуществу на анализе дискурсивных и коммуникативных практик и переплетающихся нарративов, особенно в практиках производства знания, что мы стараемся сочетать с рассмотрением собственно прагматики, религиозных практик и поведения участников событий. Избранная перспектива переплетенной истории как раз и становится способом контекстуализации рассматриваемых случаев. Как мне представляется, нам удастся в итоге показать, во-первых, «сочетаемость несочетаемого» в локальных мусульманских культурах, т.е. таких элементов, которые

происходят из разнородных культурных пространств: например, взаимопереплетение «советского», «простонародно исламского», «суфийского», «национального» в статье Бобровникова и Чмилевской или «востоковедного» и «локального» знания в статье Ихсанова. Так, во многом по-новому, предстает *многообразие* конкретных практик. Во-вторых, выпукло проступает способность явлений, традиционно считающихся стабильными, застывшими, неизменчивыми (от агиографических текстов или видения истории до социализма как дискурсивного режима) к *трансформациям*, преимущественно как раз за счет кросс-культурных взаимодействий и переплетений. В-третьих, стоит подчеркнуть *вовлеченность* рассматриваемых локальных пространств и акторов в окружающие их широкие пространства («имперское», «советское», «постсоветское», «исламское»). Причем речь идет не только о воздействии такого широкого пространства на локальное, что является обычным ракурсом исследовательского взгляда, но и о воздействии локального на имперское/советское (например, на востоковедное знание у А. Ихсанова или на социализм как дискурсивный режим у С. Абашина). В-четвертых, можно выделить как самостоятельный сюжет межкультурные переплетения, специально связанные с пониманием *модерности* как дискурсивного пространства: здесь, пусть не впервые, но в несколько иной перспективе удастся подчеркнуть несводимость мусульманских современных дискурсов к вестернизированным, выявить характер переосмысления самих европейских современных дискурсов и возможности манипуляции ими в мусульманской среде. Переплетения разных форм внешнего (неисламского, европейского, общероссийского) влияния в сочетании с новыми формами осмысления общеисламского (давнего арабоязычного) прошлого как «своего», как демонстрирует эта подборка статей, играют принципиальную роль в формировании культурных ориентиров в высказываниях мусульманских авторов — и это не новость. Важно, однако, что эти влияния играют не только «колонизирующую», репрессивную роль по отношению к некоей кажущейся исходно «чистой» своей культуре, но могут способствовать формированию новых форм субъектности и агентности действующих в этих переплетенных пространствах лиц.

Таким образом, «переплетенная история» позволяет выпукло подчеркнуть историческую динамику изучаемых сообществ и ее *неоднородность*. Она несет деколонизирующий пафос в том смысле, что вскрывает функции и относительность домини-

нирующих нарративов. При этом сами агенты доминирования рассматриваются здесь не в контексте выстраиваемых широких дихотомических конструкций, а в пространстве многообразия культурных форм и практик, да и сами такие агенты оказываются различными в разных ситуациях. Могло бы показаться, что такой акцент на переплетениях лишает наше видение истории этического, нравственного измерения, но он лишь усложняет его. Это не исключает, конечно, включения в рассмотрение ситуаций, где противостояние сил добра и зла оказывается однозначным.

Библиография / References

- Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / под ред. М. Ауста, Р. Вульпиуса, А. Миллера. М., 2010.
- Беккерт С. Империя хлопка: всемирная история. М., 2018.
- Бессмертная О. Мусульманская субъективность? Personae, self и «запросы жизни» в свидетельствах о себе мусульманина-самозванца (Магомет-Бек Хаджетлаше, 1870 (?)–1929) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. Т. 41. № 2. С. 129–161.
- Бессмертная О. Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атауллы Баязитова Эрнесту Ренану // Islamology. 2019. Т. 9. № 1–2. С. 55–82.
- Бисенова А., Медеуова К. О проблемах региональных исследований в/по Центральной Азии // Антропологический Форум. 2016. № 28. С. 35–39.
- Бисенова А. «Эту песню не задушишь, не убьешь» или о неизбежности деколонизации / “Of Decolonisation and Its Ineluctability”, *SICE Blog*. [<https://www.oew.ac.at/sice/sice-blog/of-decolonisation-and-its-ineluctability>, accessed on 2.11.2023].
- Конрад С. Что такое глобальная история. М., 2018.
- Марунг Ш. «Снесите эту стену»? О перспективах и вызовах транснационального взгляда на Холодную войну // Гефтер. 11.11. 2015 [<https://gefter.ru/archive/16572>, доступ от 30.11.2023].
- От редакции. Российский Левиафан: имеет ли значение история? // Ab Imperio 2022. № 2. С. 30–56.
- Платформа '24: Восстановление единого научного поля постнациональных и постимперских исследований [<https://sites.google.com/view/openabimperio/platform24rus?pli=1#h.sh5l512ow8nz>, доступ от 15.11.2023].
- Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161).
- Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Н. Найта и А. Халида // Российская империя в зарубежной перспективе. Работы последних лет / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 345–360.
- Aust, M., Vul'pius, R., Miller, A. (eds) (2010) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Bauck, S., Maier, T. (2015) "Entangled History", *InterAmerican Wiki: Terms — Concepts — Critical Perspectives*. [https://www.uni-bielefeld.de/einrichtungen/cias/publikationen/wiki/e/entangled-history.xml, accessed on 15.11.2023].
- Bekkert, S. (2018) *Imperiia khlopka: vsemirnaia istoriia* [The Cotton Empire: A World History]. M.
- Bessmertnaya, O. (2019) "Ponimanie istorii i identichnost' avtora v vozrazheniakh Ataully Baiazitova Ernestu Renanu" [The Vision of History and the Author's Identity in Ataully Baiazitov's "Objection" to Ernest Renan], *Islamology* 9(1–2): 55–82.
- Bessmertnaya, O. (2023) "Musul'manskaia sub'ektivnost'? Personae, self i 'zaprosy zhizni' v svidetel'stvakh o sebe musul'manina-samozvantsa (Magomet-Bek Khadzhetlashe, 1870 (?)–1929)" [Muslim subjectivity? Personae, self and "life's demands" in the testimonies of a self-styled Muslim (Mohammed-Bek Hajetlashe, 1870 (?)–1929)], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 41(2): 129–161.
- Bisenova, A., Medeuova, K. (2016) "O problemakh regional'nykh issledovaniy v/po Tsentral'noi Azii" [On the problems of regional studies in/on Central Asia], *Antropologicheskii Forum* 28: 35–39.
- Bissenova, A. "Etu pesniu ne zadushish', ne ub'esh'" ili o neizbezhnosti dekolonizatsii / of decolonisation and its ineluctability", *SICE Blog* [https://www.oew.ac.at/sice/sice-blog/of-decolonisation-and-its-ineluctability accessed on 2.11.2023].
- Byford, A., Doak, C., Hutchings, S. (2020) *Transnational Russian Studies*. Oxford University Press.
- Editorial (2022) "Rossiiskii Leviatan: imeet li znachenie istoriia?" [Russian Leviathan: Does History Matter?], *Ab Imperio* 2.
- Elshakry, M. (2014) *Reading Darwin in Arabic, 1860–1950*. Chicago: University of Chicago Press.
- Espagne, M., Werner, M (eds) (1988) *Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle)*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations.
- Feichtinger, J. et al. *How to Write the Global History of Knowledge-Making: Interaction, Circulation and the Transgression of Cultural Difference*. Springer, 2020.
- Konrad, S. (2018) *Chto takoe global'naia istoriia* [What is global history]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Marung, Sh. (2015) "'Snesite etu stenu'? O perspektivakh i vyzovakh transnatsional'nogo vzgliada na Kholodnuiu voinu" ["Tear down this wall?" On the prospects and challenges of a transnational view of the Cold War], *Gefter*, 11 November [https://gefter.ru/archive/16572, accessed on 30.11.2023].
- Morrison, A. (2022) "Colonial Central Asia", in D. W. Montgomery (ed.) *Central Asia: Contexts for Understanding*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press [https://www.academia.edu/57262023/Colonial_Central_Asia, accessed on 2.11.2023].
- Pickett J. (2020) *Polymaths of Islam: Power and Networks of Knowledge in Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Platforma '24: Vosstanovlenie edinogo nauchnogo polia postnatsional'nykh i postimperskikh issledovaniy [Platform '24: Restoring a Common Scholarly Field of Postnational and Postimperial Studies [https://sites.google.com/view/openabimperio/platform24rus?pli=1#h.sh5l512ow8nz accessed on 15.11.2023].
- Ross, D. "What does a decolonized field look like and how do we get there?", *SICE Blog* [https://www.oew.ac.at/sice/sice-blog/what-does-a-decolonized-field-look-like-and-how-do-we-get-there, accessed on 2.11.2023].

- Sartori, P. "What do we talk about when we talk about 'decolonizing Russian history'?", *SICE Blog* [<https://www.oeaw.ac.at/sice/sice-blog/what-do-we-talk-about-when-we-talk-about-decolonizing-russian-history>, accessed on 2.11.2023].
- Schaffer, S., Roberts, L., Raj, K., Delbourgo, J. (eds) (2009) *The Brokered World: Go-Betweens and Global Intelligence, 1770–1820*. Sagamore Beach, MA: Watson Publishing International.
- Subrahmanyam, S. (2019) *Empires between Islam and Christianity, 1500–1800*. Albany: State University of New York Press.
- Tlostanova, M. (2020) "Postkolonial'nyi udel i dekolonial'nyi vybor: postsotsialisticheskaia mediatsiia" [Postcolonial doom and decolonial choice: post-socialist mediation], *Novoe literaturnoe obozrenie* 1(161).
- Todorova, M. (2005) "Est' li russkaia dusha u russkogo orientalizma? Dopolnenie k sporu N. Naita i A. Khalida" [Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between N. Knight and A. Khalid], in P. Vert, P.S. Kabytov, A.I. Miller (eds) *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi perspektive. Raboty poslednikh let*, s. 345–360. Moscow.
- Werner, M., Zimmermann, B. (2003) "Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité", *Annales. Histoire, Sciences Sociales* (1): 7–36.